

**МЕЖДУ ЛЕКСИКОНОМ И
СИНТАКСИСОМ, ФОНОЛОГИЕЙ, СЕМАНТИКОЙ –
ИНТЕРФЕЙСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
В ОСЕТИНСКИХ СЛОЖНЫХ ПРЕДИКАТАХ***

П. В. Гращенков

МГУ имени М. В. Ломоносова,

Институт востоковедения РАН,

Московский педагогический государственный университет,

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

В статье разбирается внутренняя организация и дистрибутивные свойства осетинских сложных предикатов. Сложные предикаты в осетинском языке передают часть базовых лексических значений глагола (*дарить, заболеть, ...*). Будучи составлены из двух лексических элементов, они при этом демонстрируют свойства лексем. В работе показано, что сложные предикаты, с одной стороны, являются результатом композиции двух синтаксических структур, именной и глагольной. С другой стороны, сложные предикаты способны демонстрировать в одних контекстах свойства лексем, а в других – составляющей.

Ключевые слова: сложные предикаты, иранские языки, синтаксис, морфология, фонология, композициональность.

* Работа выполнена при поддержке проекта РФФ 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина.

**BETWEEN LEXICON, SYNTAX, PHONOLOGY, SEMANTICS:
THE INTERFACE PHENOMENA
IN THE OSSETIC COMPLEX PREDICATES***

Pavel Grashchenkov

*Lomonosov Moscow State University,
Institute of Oriental Studies RAS,
Moscow Pedagogical State University,
Pushkin State Russian Language Institute*

The paper deals with the organization and distributional properties of Ossetian complex predicates. Complex predicates in Ossetian code a part of the basic lexical meanings of verbal domain (*to give / present, to ill, ...*). Being composed of two lexical elements, they display at the same time the properties of the lexeme. The aims of the paper are twofold. On the one hand, it shows that complex predicates can be viewed as a result of composition of two syntactic structures, the nominal and the verbal one. On the other, complex predicates display properties of the lexeme in some contexts, and properties of the constituent in others.

Keywords: complex predicates, Iranian, syntax, morphology, phonology, compositionality.

* The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #18-18-00462 at Pushkin State Russian Language Institute.

1. Дистрибутивные свойства осетинских СП

Осетинские сложные предикаты (СП) состоят из именной части (ИЧ) и легкого глагола (ЛГ):

(1) а. *Æз а-лыг кодтон дзул*
 Я PREF-порезанный LV.PST.1.SG¹ хлеб
 ‘Я порезал хлеб.’

б. *Æз фæ-рынчын дæн*
 Я PREF-больной LV.PRES.1.SG
 ‘Я заболел.’

с. *Бæх а-гæпп кодта*
 Лошадь PREF-прыжок LV.PST.3.SG
 ‘Лошадь прыгнула.’

СП представляют собой единое, строго упорядоченное целое с точки зрения следующих параметров: i) префиксация, ii) ударение, iii) расположение отрицания, iv) порядок следования элементов, v) недопустимость лексических зависимых. Ниже будет показано, что данные свойства не являются случайными, а напротив, демонстрируют наличие упорядоченной структуры глагольной группы, содержащей ИЧ и ЛГ и включающей помимо них некоторое количество функциональной структуры.

2. Возможные подходы к структуре СП

Прежде чем показать, что за осетинскими СП стоит организованная композициональная структура, рассмотрим альтернативную точку зрения. Она заключается в подходе к СП как идиомам. Таков, в частности, традиционный подход к СП в баскском языке, см, например, [Rodríguez et al. 2003]², в то же время, например, в [Oyharcabal 2007] предложен композициональный анализ баскских СП.

Взгляд на СП как идиомы предполагает i) некомпозициональность семантики и ii) ограниченную вариативность составляющих ее элементов.

¹ Здесь и далее мы будем глоссировать ЛГ как LV (Light Verb), если тип ЛГ нерелевантен.

² Я благодарен авторам статьи за устную дискуссию и изложение их точки зрения на баскские СП.

Если приводить в качестве примера русскую идиому *валять дурака*, первое свойство тривиально: ‘валять дурака’ ≠ ‘валять’ ⊕ ‘дурак’. Второе свойство может быть продемонстрировано следующим образом. Распространение отдельных элементов в составе идиомы либо ограничено, либо невозможно, ср.: *валять ?большого / ??страшного / *огромного / *странного дурака*. Более того, словоизменение допустимо для вершины идиомы, но не для ее внутренних элементов, ср.: *валяю / валяем / ... дурака; *валять дураков*. Перестановка составляющих идиому элементов при этом возможна, ср.: *Большого дурака свалял, надо было саблей орудовать, а я, тьфу, балбес; Тут, конечно, дурака свалял сам Элиот* (интернет).

Осетинские СП семантически композициональны: аргументная структура СП предсказуемо определяется составляющими ее элементами. В то же время немногочисленные преобразования морфосинтаксиса, допустимые для СП, как правило представляют собой хорошо известный в генеративной грамматике тип передвижения – подъем одного из элементов вверх по структуре, мотивированный определенными семантическими / дискурсивными признаками передвигающегося элемента.

Скажем также, что для анализа СП можно было бы привлечь инструментарий лексических функций, разработанный в рамках Московской семантической школы, см. [Апресян 1995], [Мельчук 1999] и др. Идея, стоящая за лексической функцией на первый взгляд хорошо подходит для СП. Лексические функции (прежде всего – семейств OPER и FUNC) представляют комбинацию десемантизированного глагола и предикатной вершины, задаваемой именной частью речи: *оказать / иметь влияние* = ‘повлиять’; *одержать победу* = ‘победить’; *потерпеть поражение* = ‘проиграть’.

Лексические функции, однако, плохо подходят для анализа осетинских СП как минимум по следующим причинам. Во-первых, для лексических функций характерна идиосинкразия глагольно-именных пар. Одному и тому же имени может соответствовать ограниченное количество глаголов: *нанести / причинить / *принести / *давать боль*. С другой стороны, один и тот же глагол обслуживает как правило небольшую (закрытую) группу событийных существительных, ср.: *оказать поддержку / внимание / помощь / влияние / *участие / *заботу / *урон / *враждебность*. В этом отношении лексические функции, возможно, хорошо подойдут для анализа СП в таких языках как курдские или персидский, где арсенал ЛГ гораздо более разнообразен.

Во-вторых, глаголы, выполняющие те или иные лексические функции, призваны лишь поверхностно выразить семантических участников, имеющих у абстрактных имен. Так, у существительного ‘победа’ есть глубинные агенс и пациенс; в примере *Итальянцы одержали победу над французами* глагол *одержать* лишь оформляет агенс номинативом, ср. альтернативное *победа итальянцев над французами*, имеющее другой морфосинтаксис, но то же значение. Как мы покажем ниже, ЛГ регулярно привносят в аргументную структуру СП семантического участника.

Наконец, третье несоответствие лексических функций осетинским СП в том, что при образовании конструкций с лексическими функциями поверхностный синтаксис остается неизменным. В случае, например, функций класса OPER глагол берет (прямое / косвенное / предложное) дополнение в том же падеже, который соответствовал бы семантически наполненному употреблению, ср.: *давать повод* vs. *давать руку*. В случае СП правила поверхностного синтаксиса нарушаются. Например, СП ‘резать’ состоит из прилагательного ‘отрезанный’ и глагола ‘делать’. Вся конструкция со СП при этом приобретает вид ‘X сделал Y отрезанным’. Поверхностный синтаксис СП следовал бы правилам синтаксиса регулярных переходных глаголов, если бы: i) прилагательное *отрезанный* могло бы свободно менять расположение относительно глагола и ii) в осетинском были бы допустимы результативные вторичные предикации (*John hammered the metal flat*). Насколько нам известно, ни одно из этих условий не выполняется.

3. Анализ структуры осетинских СП

ИЧ и ЛГ в сложных предикатах не могут быть разделены, (3), либо следовать в ином порядке, (4):

(2) *Æз уый фе-рох кодтон*
 Я это PREF-забытый LV.PST.1.SG
 ‘Я забыл это.’ {2 = 3 = 4}

(3) **Æз фе-рох уый кодтон*
 Я PREF-забытый это LV.PST.1.SG

(4) **Æз уый кодтон фе-рох*
 Я это LV.PST.1.SG PREF-забытый

Упорядоченность элементов СП по отношению друг к другу и «внешним» для конструкции элементам позволяет утверждать, что ИЧ и ЛГ занимают определенные позиции в структуре глагольной проекции.

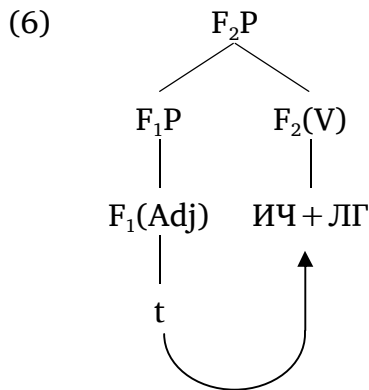
Комбинация ИЧ и ЛГ формирует некоторую сложную лексему категории V, сочетаясь при этом по тем же правилам, которым подчиняются элементы синтаксиса: в определенном порядке, изменения которого приводят к изменению интерпретации либо неграмматичности конструкции. ИЧ является вершиной, но участвует при этом в формировании единицы лексического (а не фразового) уровня, что объясняет невозможность ее распространения:

- (5) a. *Заур Фатима-йы ба кодта*
 Заур Фатима-GEN поцелуй LV.PST.3.SG
 ‘Заур поцеловал Фатиму.’
- b. **Заур Фатима-йы дыууæ ба-йы кодта*
 Заур Фатима-GEN два поцелуй-GEN LV.PST.3.SG
 Ожид.: ‘Заур поцеловал Фатиму дважды.’

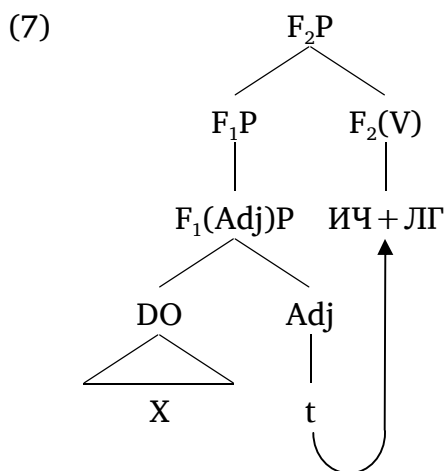
Мы будем считать, что именная часть занимает позицию вершины некоторой проекции F_1P , над которой доминирует легкий глагол, представленный функциональной вершиной F_2 . После попадания в позицию вершины ИЧ передвигается вверх по структуре и сливается с ЛГ, образуя с ним одну словоформу. Передвижение «вверх» по структуре в данном случае соответствует передвижению вправо, см. [Beermann et al. 1997]. Отметим, что возможен был бы и другой анализ, при котором в СП было бы правое ветвление, а наблюдаемый поверхностный порядок слов ИЧ_ЛГ был бы результатом левого подъема вершины ИЧ. В обоих случаях дальнейшая деривация происходила бы одинаково. Мы, тем не менее, будем придерживаться идеи о левостороннем ветвлении внутри СП хотя бы потому, что обратный поверхностный порядок никогда не наблюдается и свидетельств правостороннего ветвления у нас нет.

Невозможность обратного расположения ИЧ и ЛГ и вставления между ними внешнего материала следует из предлагаемой структуры автоматически. ИЧ и ЛГ занимают позицию вершины F_2 , и никакой другой материал не может разделять две функциональные вершины (кроме других функциональных вершин, которых мы в данном случае не находим). Порядок ИЧ_ЛГ связан с порядком соединения вершин друг с другом (левая адьюнкция, правая адьюнкция) при передвижении вершин (Head movement), см. (6) ниже, [Matushansky 2006].

Подобный процесс образования сложной вершины напоминает предпринятый в [Baker 1988] подход к инкорпорации прямого объекта как результату передвижения вершин.

В случае, если СП переходен, прямой объект занимает позицию «внутреннего подлежащего» – он является логическим субъектом состояния, задаваемого ИЧ: *Алан заразил Фатиму* – ‘Алан сделал так, что Фатима больная’:

В данном случае прямой объект X соответствует именной группе *Фатима* в примере выше, адъективная ИЧ – прилагательному *больной*, а легкий глагол – осетинскому ‘делать’, *канын*.

Между ИЧ и ЛГ могут располагаться (только) телисизирующие префиксы или показатели отрицания:

(8) а. *Æз рынчын фæ-дæн*
 Я больной PREF-LV.PRES.1.SG
 ‘Я заболел.’

б. *Æз рынчын нæ дæн*
 Я больной NEG LV.PRES.1.SG
 ‘Я не болел.’

В имеющемся у нас текстовом массиве (> 0,5 млн. словоформ) можно наблюдать следующие закономерности расположения префиксальных показателей и показателей отрицания (для примеров взяты частотные СП):

(9) Соотношение количества морфологических показателей на ИЧ и ЛГ

СП	значение	префикс		отрицание	
		ИЧ	ЛГ	ИЧ	ЛГ
<i>гом кæнын</i>	‘открывать/ся’	123	0	2	1
<i>рох кæнын</i>	‘забывать/ся’	110	0	20	7
<i>фынæй кæнын</i>	‘засыпать’ / ‘укладывать’	6	1	5	8
<i>лыг кæнын</i>	‘резать’ / ‘отрезаться’	50	1	1	1
<i>лавар кæнын</i>	‘дарить’	24	2	0	0
всего		313	4	28	17

Можно заметить, что расположение префикса на ЛГ в целом гораздо более маркировано, чем на ИЧ. Отрицание, употребляющееся само по себе реже, не демонстрирует столь явного предпочтения.

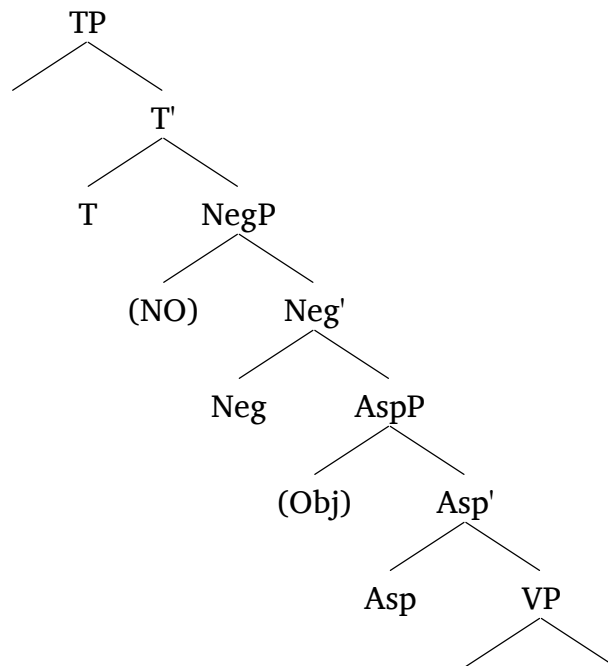
Отметим еще одну связанную с морфологическим маркированием закономерность. Если префикс употребляется вместе с отрицанием, оба элемента могут располагаться либо на ИЧ (немаркированный вариант), либо на ЛГ одновременно. Расположение одного из элементов на ИЧ, а другого – на ЛГ исключено:

- (10) а. *Æз дуар нæ бай-гом кодтон*
я дверь NEG PREF-открытый LV.PST.1.SG
‘Я не открыл дверь.’ {a = b = c = d}
- б. *Æз дуар гом нæ бай-кодтон*
я дверь открытый NEG PREF-LV.PST.1.SG
- в. **Æз дуар бай-гом нæ кодтон*
я дверь PREF-открытый NEG LV.PST.1.SG
- г. **Æз дуар нæ гом бай-кодтон*
я дверь NEG открытый PREF-LV.PST.1.SG

Как утверждает в [Гагкаев 1952: 91]: «Отрицание *нæ* употребляется при глаголах изъявительного и сослагательного наклонений и стоит перед глаголом, к которому относится». Префиксы составляют одну словоформу либо с ИЧ, либо с ЛГ. Поскольку обе морфемы имеют жесткую позицию в глагольной группе, мы будем считать, что каждой из них соответствует своя функциональная вершина.

Как принято считать, группа отрицания NegP располагается обычно выше аспектуальной проекции AspP, см., например, [Brown, Franks 1995] для русского языка, [Cornilescu 2003] для английского, а также [Cinque 1999] как пример построения универсальной иерархии функциональных проекций. Поскольку расположение NegP и AspP в осетинском напоминают таковые в русском, приведем структуру для русской клаузы из [Brown, Franks 1995]:

(11) [Brown, Franks 1995: 247]

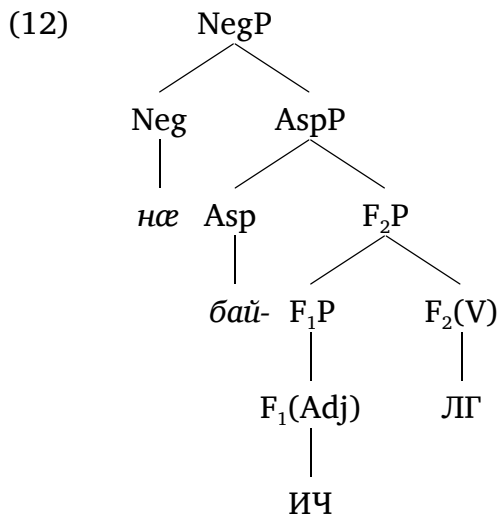
Примечательно, что в современном персидском по данным [Taleghani 2006: 114, 171] NegP доминирует также и над TP, явных свидетельств чему мы, впрочем, не обнаруживаем в осетинском.

В случае осетинского и русского префиксальные показатели должны быть расположены еще более низко в структуре клаузы и еще более тесно связаны с глагольным значением. В русском и осетинском подавляющее большинство префиксов связано с обозначением предела ситуации и перехода в новое состояние. Такие префиксы в формальной русской аспектологии считаются «низкими», т.к. их семантический вклад напрямую связан с лексическим значением глагола, и, в частности, с семантическим типом предиката. В [Татевосов 2010], в частности, убедительно показано, что «[з]а пределами глагольной группы размещаются только внешние префиксы; внутренние находятся внутри... [... внешний префикс [VP ... внутренний префикс ...]», [Татевосов 2010: 253].

Таким образом, вершина Asp, соответствующая осетинскому префиксу, располагается между отрицанием и глагольной группой. Такое расположение Neg, Asp и группы глагола помогает объяснить как невозможность (раздельного) нахождения отрицания и видового префикса на разных частях СП, так и их способность располагаться (попарно) либо на ИЧ, либо на ЛГ.

Обе закономерности следуют напрямую из так называемого Ограничения на передвижение вершин (Head Movement Constraint), [Travis 1984]. Согласно этому ограничению, признанному универсальным, передвижение вершин возможно только в позицию вершины, непосредственно доминирующей над данной. «Перепрыгивание» через вершинные позиции недопустимо.

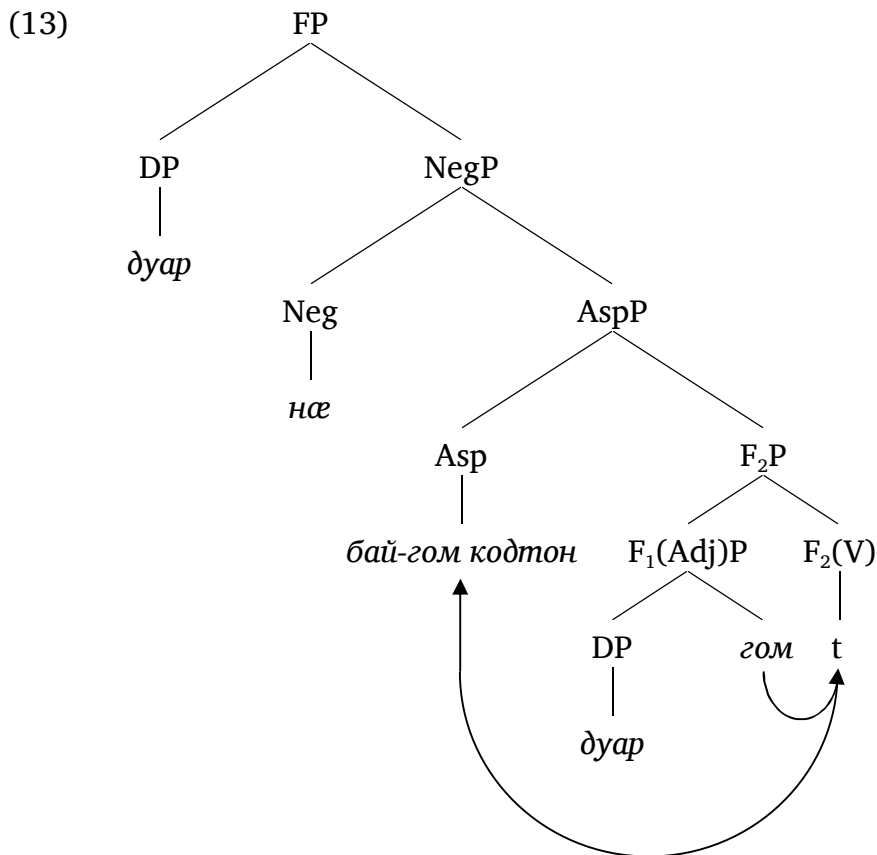
Если мы примем (6) выше как структуру СП, СП с отрицанием и префиксом будут иметь следующий вид:

Neg и Asp являются функциональными проекциями, которые принимают в качестве компонента материал, над которым доминируют, NegP берет компонентом AspP, а AspP – F₂P. Иранские языки примечательны тем, что функциональные проекции берут свои компоненты справа, а лексические – слева, см., например, [Karimi 2005]. Также ведет себя и осетинский: наряду с порядком подчинительный союз – зависимое предложение (С – TP), порядок ветвления лексических компонентов обратный: прямой объект – глагол, (преимущественно) послелог – именная группа, и т.д.

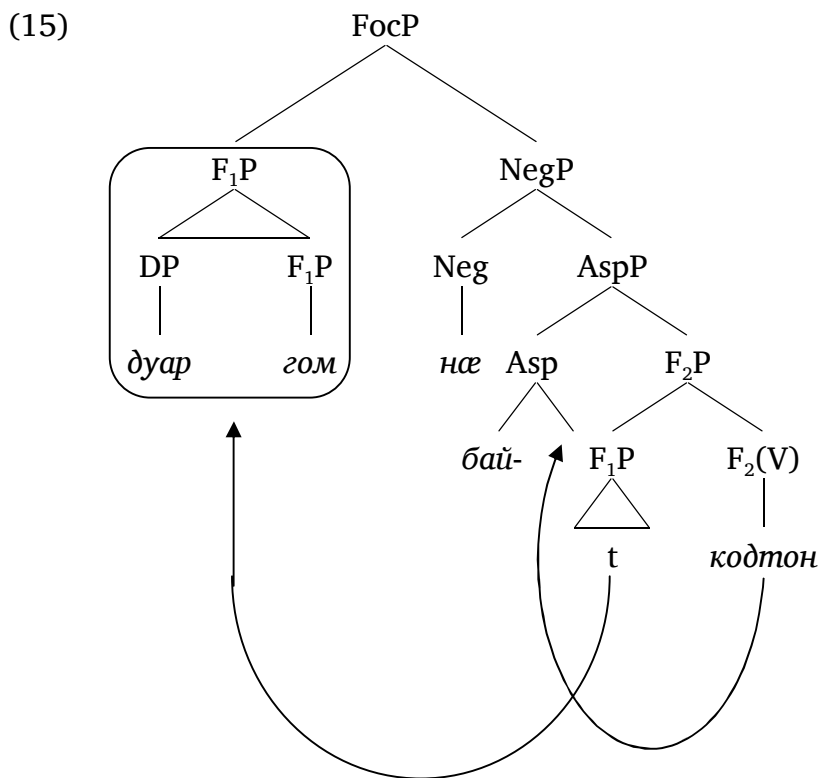
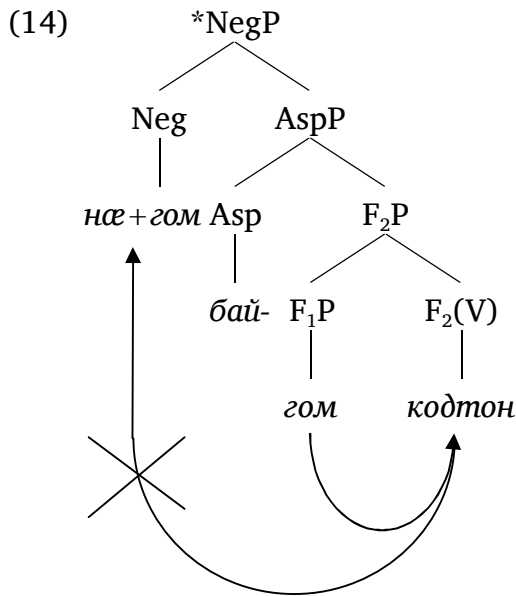
Этим объясняется тот факт, что Neg и Asp берут компоненты справа, а ветвление внутри проекции СП – левое: ЛГ является правосторонней вершиной по отношению к ИЧ, также и ИЧ принимает свои аргументы слева (об этом подробнее будет сказано ниже). С точки зрения направления ветвления и ЛГ, и ИЧ ведут себя как лексические вершины и оказываются противопоставлены функциональным вершинам, выражаемым морфологически.

Расположение ИЧ непосредственно после видового префикса, таким образом, является результатом ее исходного расположения справа от Asp и последующих передвижений ИЧ в позицию F_2 и комплекса ИЧ+ЛГ в позицию вершины Asp. После того, как произойдет передвижение вершины, проецируемый ей прямой объект также передвигается в некоторую позицию FP, находящуюся выше в структуре, – возможным аналогом такой позиции была бы вершина AgrO, отвечающая за присваивание accusativa прямому объекту в ранних версиях Минимализма, см. [Chomsky 1993]:

Невозможность расположения отрицания перед ИЧ, а префикса – перед ЛГ следует из Ограничения на передвижение вершин, [Travis 1984]. ИЧ (F_1) не может передвинуться вверх по структуре, минуя ЛГ (F_2) равно как однажды составленная сложная вершина ИЧ+ЛГ не может далее «разорваться», X_0 -комплекс ИЧ+ЛГ может передвигаться лишь как единое целое (см. (14)).

В случае, когда префикс и/ли отрицание располагаются на ЛГ, деривация проходит иначе. Сначала ЛГ беспрепятственно передвигается в Asp – поскольку F_2 доминирует над F_1 , Ограничение на передвижение вершин не нарушается. После этого происходит передвижение всей проекции именной части F_1P из позиции компонента проекции легкого глагола F_2P (см. (15)).

Передвижение проекции ИЧ происходит в позицию спецификатора фокусной вершины – по мнению В.И. Абаева, отрицание и/ли префикс располагаются на ЛГ тогда, «когда на именной части стоит логическое ударение: вместо *нә да ферох кодтон* ‘я тебя не забыл’ можно сказать *рох да нә факодтон* ‘я не забыл тебя’, с логическим ударением на *рох*», [Абаев 1970: 640].

Клитики второй позиции, подобные приведенной только что в примере В.И. Абаева *даә*, подчиняются при этом не правилам синтаксической проекции, а фонологическим правилам и оттого не являются контрпримером к запрету на расположение лексического материала между ИЧ и ЛГ.

Таким образом, в случае расположения отрицания / видового префикса на ЛГ мы склонны усматривать передвижение составляющей (а не вершины), соответствующей ИЧ. Анализ с фразовым передвижением подтверждается правилами постановки ударения: «В тех случаях, когда имя замыкается префиксом и стоит непосредственно перед предикативным членом, все три компонента сказуемого объединяются в одно целое общим ударением», [Гагкаев 1956: 57]. То же находим и в [Багаев 1965: 348]: «Во многих формах совершенного вида бывает только одно ударение, которое обычно падает на именную часть, когда глагольная приставка прибавляется к именной части, предшествующей вспомогательному глаголу.» И далее: «...если приставка бывает в составе вспомогательного глагола, ... ударение будет падать и на именную часть и на вспомогательный глагол.»

То же верно и для ударения при отрицании: «Сложные глаголы с отрицательными словами бывают с двумя ударениями, из которых одно падает на именную часть глагола, другое – на легкий глагол с отрицательным словом, когда оно, отрицательное слово, стоит непосредственно перед легким глаголом... Но если отрицательное слово стоит перед именной частью составного глагола, то весь составной глагол с отрицательным словом произносится с одним ударением», [Багаев 1965: 348].

Таким образом, в отличие от случаев контактного расположения ИЧ и ЛГ, при нахождении между ними префикса и/ли отрицательной частицы ударение «разбивается»: оно обязательно падает на ИЧ, и, скорее всего, также падает и на ЛГ. Такое поведение автоматически следует из нашего анализа. В случае передвижения F_1P , имеющего место при маркировании ЛГ показателем вида или отрицания, структура ИЧ+ЛГ, которая составила бы единое фонологическое слово в отсутствие передвижения, распадается на две составляющих, каждая из которых должна будет получить свое ударение.

Выбор видового префикса, который характеризует весь СП в целом, определяется ИЧ даже в тех случаях, когда префикс располагается на ЛГ. Подобное поведение СП по отношению к ударению и префиксации подтверждает корректность подхода к структуре СП как синтаксической проекции и лексеме одновременно. Мы можем сформулировать следующее утверждение:

(16) СП могут проявлять свойства и слова, и составляющей

4. Заключение

Мы установили основные узлы проекции, ответственные за образование СП. В случае, когда между ИЧ и ЛГ нет никакого материала, ИЧ, располагаясь в исходной позиции вершины, фонологически образует общую с ЛГ словоформу. В тех случаях, когда отрицание либо префикс обнаруживаются на ЛГ, ИЧ и возглавляемая ей составляющая передвигаются вверх по структуре, «разрушая» СП как единый лексический комплекс. Подобные передвижения вызваны особенностями коммуникативной структуры и сопровождаются просодическим маркированием. Основным результатом данного исследования стало наблюдение о двойственной структуре СП: они обладают свойствами как лексем, X_0 , так и составляющей, XP .

Условные обозначения и сокращения

1 – первое лицо, 3 – третье лицо, GEN – генитив, LV – легкий (вспомогательный) глагол, NEG – отрицание, PREF – префикс, PRES – настоящее время, PST – прошедшее время, SG – единственное число.

Литература

- Абаев 1970 – Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка // Бигулаев Б.Б. и др. (сост.). Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе: «ИР», 1970. С. 543–720. [Abaev V.I. A grammatical sketch of Ossetic. Bigulaev B.B. et. al (eds.). Osetinsko-russkii slovar'. Ordzhonikidze: «IR», 1970. P. 543–720.]
- Апресян 1995 – Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Т. 1. М., 1995. 364 с. [Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy. Leksicheskaya semantika. T. 1. [Selected writings, Vol. I: Lexical semantics] Moscow, 1995. 364 p.]
- Багаев 1965 – Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. I: Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965. 487 с. [Bagaev N.K. Sovremennyi osetinskii yazyk. Ch. I: Fonetika i morfologiya. [Modern Ossetic, Pt. I: Phonetics and morphology] Ordzhonikidze, 1965. 487 p.]
- Гагкаев 1952 – Гагкаев К.Е. Очерки грамматики осетинского языка. Дзауджикау, 1952. 115 с. [Gagkaev K.E. Ocherki grammatiki osetinskogo yazyka. [Essays in Ossetic grammar] Dzaudzhikau, 1952. 115 p.]
- Гагкаев 1956 – Гагкаев К.Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе, 1956. 276 с. [Gagkaev K.E. Sintaksis osetinskogo yazyka. [Syntax of Ossetic] Ordzhonikidze, 1956. 276 p.]
- Мельчук 1999 – Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с. [Mel'chuk I.A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst». Semantika, sintaksis. [An essay in the theory of “Meaning ↔ Text” linguistic model] Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999. 346 p.]
- Татевосов 2010 – Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дис. ... докт. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2010. 537 с. [Tatevosov S.G. Aktsional'nost' v leksike i grammatike [Actionality in lexicon and grammar]. Doctoral thesis. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2010. 537 p.]

- Baker 1988 – Baker M.C. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1988. 543 p.
- Beermann et al. 1997 – Beermann D., LeBlanc D., van Riemsdijk H. (eds.) *Rightward movement*. *Linguistik Aktuell. Linguistics Today*, 17. 1997. vi, Benjamins. 410 p.
- Brown, Franks 1995 – Brown S., Franks S. *Asymmetries in the scope of Russian negation*. *Journal of Slavic Linguistics*. 1995. Vol. 3. P. 239–287.
- Cinque 1999 – Cinque G. *Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective*. New York: CUP, 1999. 288 p.
- Cornilescu 2003 – Cornilescu A. *Complementation in English: A minimalist perspective*. București: Editura Universității din București, 2003. 504 p.
- Matushansky 2006 – Matushansky O. *Head-movement in linguistic theory*. *Linguistic Inquiry*. 2006. Vol. 37. P. 69–107.
- Oyharçabal 2007 – Oyharçabal B. *Basque light verb constructions*. Lakarra J.A., Hualde J.I. (eds.). *Studies in Basque and historical linguistics. In memory of R. L. Trask*. Bilbao: Diputación Foral de Gipuzkoa – Gipuzkoako Foru Aldundia & Universidad del País Vasco – Euskal Herriko Unibertsitatea, Bilbao, 2007. P. 787–806.
- Rodríguez et al. 2003 – Rodríguez S., García M.F. *IZEN + EGIN predikatuak euskaraz*. Makatzaga J.M., Oyharçabal B. (eds.). *Euskal gramatikari eta literaturari buruzko ikerketak XXI. mendearen atarian, Gramatika gaiak, Iker-14*. Euskaltzaindia, Bilbo, 2003. P. 417–436.
- Taleghani 2006 – Taleghani A.H. 2006. *The interaction of modality, aspect and negation in Persian. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy*. The University of Arizona, 2006. 249 p.
- Travis 1984 – Travis L. *Parameters and effects of word order variation*. Doctoral dissertation. Cambridge, MA: MIT, 1984. 568 p.

Статья поступила в редакцию 29.10.2018

The article was received on 29.10.2018

Павел Валерьевич Гращенко

доктор филологических наук; доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; старший научный сотрудник, Московский педагогический государственный университет; исполнитель гранта РФФИ 18-18-00462, осуществляемого в ГИРЯ им. А. С. Пушкина

Pavel V. Grashchenkov

Dr. Phil. Hab.; associate professor, Lomonosov Moscow State University; senior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; senior researcher, Moscow Pedagogical State University; performer of the RSF grant 18-18-00462, realized in Pushkin State Russian Language Institute

pavel.gra@gmail.com